

Галина Георгиевна Харламова

Я с 1935 года, во время блокады мне было 6 лет. Воспоминаний немного, все они отрывочные. Помню, были детишками. У мамы было много друзей, они помогали нам всю блокаду, только благодаря им и выжили.

Помню постоянный страх, голод.

Мама работала в ателье, в котором шили одежду для военных. Ателье располагалось на углу Апраксина и Садовой. Мы жили на канале Грибоедова. Детские сады закрыли, и мама забирала меня с собой.

На Думской улице, напротив нашего дома, стоял длинный желтый дом: статическое управление. В этот дом попала бомба, я не видела, как всё произошло, слышала только грохот и звон разбитого стекла. Мама прибежала с работы испуганная и очень обрадовалась, что я жива.

Ночью мы в подвал не ходили. Мы с мамой спали на одной кровати, она говорила, что вместе и умереть не страшно.

Не было отопления. Мы во всей квартире остались одни с мамой – все соседи были эвакуированы. Было очень холодно, мы жгли мебель, потом книги. Они спасали нас от холода.

Детский садик был в здании Метрополя на втором этаже. Мы, детишки, целый день сидели за столиками от завтрака до обеда, с обеда до ужина. Очень хотели есть, ждали, что нас покормят. Из-за стола не хотелось вставать. Не хотелось играть. Только хотелось есть.

1942 год. Я училась в школе Плеханова. На уроках мы сидели возле печки, и учительница проводила урок. До сих пор помню её лицо.

Школа была отдельная – девочки учились отдельно от мальчиков. Училась я не очень хорошо. Мы были переростки и учились в классе с детьми младше нас по возрасту. Когда я осталась в девятом классе на второй год, меня направили в вечернюю школу. Потом я поступила в институт связи имени Бонч-Бруевича. Но закончить не смогла.

Труднее было взрослым. В Ижоре жила мамина сестра. У них был участок. Мы к ним ездили сначала на трамвае, потом ходили пешком. Они нас подкармливали овощами. Как-то угостили кониной – котлеты были очень вкусные.

У мамы было две сестры – тетя Надя и тетя Лидочка. Лидочку в 18 лет призвали в армию служить. В те времена женщины служили наравне с мужчинами.

У тети Нади была дочка, и вместе с ними жил наш дедушка. Когда начался голод, тетя Надя сказала, что она не может прокормить двоих. Дедушка отказался от еды и впоследствии умер от голода, чтобы ребенок смог выжить.

Когда началась война, мы с дочкой нашей соседки тети Хины были на даче. Мама вместе с тетей Хиной под бомбами приехали и забрали нас. Маму хотели призвать в армию, меня предлагали эвакуировать, но она отказалась меня эвакуировать и служить в армии.

Времена были страшные. Детей крали, ели. Было людоедство. Были такие случаи, когда в семье кто-то умирал, отрезали часть от тела и ели. А потом тоже умирали от трупного яда.

Подробностей не помню, только обрывочные воспоминания. Всё время хотелось есть. Когда мама оставляла меня дома и уходила на работу, очень страшно было пережить бомбежки. Мама оставляла мне еду на день и, когда возвращалась домой вечером, то видела, что я ничего не ела. Она спрашивала меня, почему я ничего не ела, а я отвечала, что она же голодная, ей тоже есть хочется. Вот я и оставляла еду для мамы.

В 1944/45 годах вернулись из эвакуации наши соседи – муж и жена. Я встретила их так – иду навстречу им, несу в руках кусочек хлеба и говорю: «Вы, наверное, кушать хотите. Возьмите кусочек хлеба». Они потом долго вспоминали эту встречу.

Я любила делиться едой – всё время хотела всех накормить.

За Казанским собором был бульжник. Во время блокады люди выкопали бульжник и разбили огород. Каждый сажал, кто что мог.

Очень долго не было газа, парового отопления. Мы покупали дрова. Дворник вязанками носила дрова, колола их и разносила по квартирам за плату... Очень долго пользовались керогазом, на нем было удобно готовить.

Многие потеряли всю семью. В нашей семье умер только дедушка.

Во время блокады существовали дружины: молодые девушки ходили по квартирам и проверяли, есть ли умершие в квартирах или нет. Умерших выносили.

В 1944 году маму направили учиться в партийную школу, но она её не закончила, так как стала глохнуть на нервной почве.

Парад Победы в Москве. 24 июня 1945.